

Н

емец оказался щупленьким и малорослым. Командир взвода разведчиков лейтенант Шуляк, за непомерную длину рук и огромную физическую силу имевший среди подчиненных прозвище «Карга», сгреб часового одной рукой, другой, как лопатой, закрыл ему рот и повалил на снег. Подоспевшие разведчики быстро всунули в рот плененному кляп и скрутили ему руки за спиной.

— Домой! — коротко скомандовал Карга. — Антонов, Харин — замыкающие. Колесов!

— Я! — весело отозвался из темноты шустрый звонкоголосый Гриша Колесов.

— Языка беречь пуще глаза! Понял?

— Так точно, товарищ лейтенант!

— Смотри у меня! — погрозил пальцем командир взвода. — Если что, ты за старшего. Ясно?.. Теперь вперед!

Гриша сорвался с места, за ним лейтенант с пленным, и скоро вся группа исчезла в снежной круговерти.

— Разрешите? — на пороге блиндажа появился ординарец и радостно доложил: — Разведчики вернулись, товарищ майор!

— А-а-а, давай... давай сюда их, — оживился сидящий на лежанке плотный человек и стал обуваться.

Начальник штаба майор Зернов, исполняющий после недавней гибели командира полка его обязанности, четвертые сутки подряд почти не спал. С тех пор как части 33-й армии оказались со всех сторон в кольце, они каждую ночь пытались пойти на прорыв, но каждый раз неудачно. Немцы значительно превосходили их в силе, и все попытки вырваться из окружения к своим не давали ничего, кроме потерь. И вот после трех неудачных ночных прорывов был получен приказ из штаба армии — прощупать оборону немцев по всему периметру кольца окружения и найти в нем слабое место. И необязательно на восток: хоть куда, лишь бы слабое, а уж там прорвемся, в конце-то концов!

На улице загремело, застучало, загрохотало по обледенелым ступенькам, и на пороге появилась согнутая, придавленная низким потолком фигура Шуляка.

— Товарищ майор, задание выполнено! — коротко доложил он и козырнул.

— Все вернулись? — поинтересовался Зернов.

— Так точно, товарищ майор! — подтвердил Шуляк.

— Давай сюда фрица!

Лейтенант повернулся в проем двери и гаркнул в темноту:

— Колесов!

— Я! — услышалось с улицы.

— Давай немца!

Вскоре услышались частые шаги на ступеньках, и в блиндаже появился Колесов с пленным.

— Давай, фриц, выходи на свет! — подтолкнул он немца.

— Я не есть фриц! — неожиданно звонко выкрикнул пленный. — Я из Тироль. Австрия.

— Все равно фриц, раз в Россию пошел! — перебил его Колесов.

— Я не пошел! Я не пошел! — торопливо зачастил немец. — Я не хотель... я учил Пушкин, рюсский поэт...

— А-а-а, Пушкина вспомнил, гад! — зло процедил Гришка.

— Я не есть гад! Не есть гад... — снова затараторил пленный. — Герр офицер, я есть учитель! Я не хотель... не хотель война. Я работаль шьколя, я учил... меня погнали...

— У-у-у, иуда! — замахнулся вдруг Колесов, и пленный судорожно задрал вверх руки, закрывая голову от удара.

— Отставить, Колесов! — резко скомандовал Зернов, и Гришка мгновенно вытянулся. — Учитель, говоришь? — обращаясь к пленному, переспросил командир полка.

— О-о-о, я, я! Герр офицер, я есть учитель! Я работаль шьколя! — все той же заученной скороговоркой повторил пленный.

— Австриец? — уточнил майор.

— Я, я! — радостно закивал «язык». — Я жиль Тироль. Альпы...

— Имя! Фамилия! — резко перебил его Зернов.

— Петер Любек! — четко назвал себя пленный.

— Смотри-ка, почти как наш Антошка, — опять не удержался от реплики Колесов.

— Разговорчики! — снова оборвал его майор.

Все находившиеся в землянке сразу поняли, что Гришка имел в виду Петра Антонова, которого за мягкий добрый характер гораздо чаще звали ласково — Антошка, чем нормальным именем.

— Откуда знаете русский? — продолжал задавать вопросы Зернов.

— Я учил, я немного учил.., университет.., — начал пленный. — Потом читал, Пушкин, Чехов.. я учил сам».

Он немного успокоился, выпрямился при этих словах и не без гордости поглядел на своих пленителей.

— Ваше воинское звание, должность и номер части? — снова прозвучал вопрос майора.

— Я есть рядовой... я слюжить пехота, я только месяц воевать...

— Стрелял? — неожиданно перебил его Колесов. — По нашим стрелял? — И свирепо заблестел глазами в ожидании ответа.

Австриец хотел что-то сказать своей обычной скороговоркой, набрал для этого побольше воздуха в грудь и даже открыл рот, но, не издав ни звука, вдруг обмяк и тяжело опустил голову, несколько раз кивнув при этом.

— Остынь, Гриша... — Огромная ладонь командира разведчиков легла на плечо солдата, и тихий голос добавил: — Не ищи виновников — война во всем виновата.

Во взводе знали, что Гришка Колесов пошел на фронт добровольцем. Вместе с братом. Того призвали по повестке, а Гришке не хватало нескольких дней до нужного возраста, и он упросил военкома не разлучать его с братом. Все равно ведь призовут. Месяцем раньше, месяцем позже — какая разница, зато тут будет вместе со старшим братом. И вот брата убили... Случайным выстрелом в одном из рейдов разведчиков, прямо на глазах у Гришки, и он страшно тяжело переживал эту потерю.

Долго еще майор пытался узнать у пленного интересующие командование сведения, но ответы никак не могли его утешить. Выходило, что превосходство немцев на их участке фронта подавляющее, и любая попытка прорыва равносильна самоубийству.

— Увести! — наконец, коротко скомандовал он, и разведчики вместе с австрийцем вышли из блиндажа.

— Ну, и куда мы его теперь, товарищ лейтенант? — оказавшись на улице, спросил Колесов.

— А черт его знает куда, — озадаченно проговорил Шуляк.

Раньше все было просто: взял языка, допросил и — наверх, в вышестоящий штаб да поглубже в тыл. А где сейчас тыл, где фронт, — кругом, куда ни кинь, одни немцы. Полк Зернова располагался неподалеку от полурастерзанной боями деревушки, но и там никакого строения, подходящего для содержания арестанта, не было.

— Давай его в нашу землянку, — неожиданно предложил Карга.

— Чево-о-о? — протянул изумленный Колесов. — Фрица к нам в землянку?

— Ну, а куда еще? — вопросительно повернулся к нему Шуляк. — Не на улице же оставлять в такой мороз. Живой все ж таки. Да и... — лейтенант замолчал, видимо, подбирая подходящие слова, затем, понизив голос, чтобы не слышал пленный, добавил, — не такой он какой-то... на человека похож.

Гришка хмыкнул что-то неопределенное в ответ, но смолчал, очевидно, соглашаясь.

— Давай до утра к нам, а завтра его, может, в дивизию затребуют или еще куда выше, — уже как об окончательно решенном сказал Шуляк.

Жилище разведчиков просторным не назовешь, но после гибели Гришкиного брата на лежанке стало все же посвободнее.

— И куда его дальше? — спросил Колесов у командира, когда они оказались внутри.

— Давай на мой лежак! — твердо скамандовал тот.

— А вы куда же, товарищ лейтенант? — удивился Колесов.

— А я с вами, — ответил Карга и, заметив некоторое сомнение в Гришкиных глазах, добавил, — поместимся. Да и ненадолго, я думаю.

Но их надеждам на скорые перемены оправдаться было не суждено. Пленного никто не спросил ни на утро, ни через день, ни через три. А к концу недели совместного с ним проживания разведчики знали про своего необычного соседа почти все. Что родом он из простой семьи, что братьев и сестер у него четверо, что родители его весь век крестьянствовали и что старшие братья тоже остались на земле, а он заболел мечтой об учительстве. Мечта эта его сбывалась с помощью родителей и все тех же старших братьев, за что он им очень благодарен. Узнали и то, что, став учителем, Любек поклялся сам себе: никогда никому не делать в жизни зла, а своих учеников учить только добру. И про то, что исполнял он свою клятву с честью, выведали, что ученики любили его за это и относились со всяческим почтением... Ну, а как было не узнать про жизнь-то? Чего еще делать по вечерам в одной землянке? Не сидеть же сиднем да молчком, тем более что пленный по-русски говорил весьма сносно. И, самое главное, знал о России много. Об ее истории, традициях, вере. Говорил он об этом душевно, как и о своей родине. Как тут не поверить, что человек — учитель?! Как не убедиться, что он хоть и фриц, а добрая душа?! И разведчики перестали его чураться. Кормили той же немудреной солдатской едой, которую ели сами, придумали постоянное занятие — топить буржуйку, чему пленный несказанно обрадовался и дело порученное исполнял образцово. Даже в карты с ним в одной компании резались! И частенько «продували» ему при этом. А однажды произошло событие, которое и вовсе всех потрясло.

Подсел как-то раз «язык» к Антонову, когда они остались одни, (видать, тоже решил, что тот самый добрый из всех) и спросил:

— Антоша! А почему Гришя всегда такой сердитый? Ведь он же не злой, я это... это чьюствовать...

Антошка усмехнулся на это первым делом и сказал:

— Петро я, как и ты. Антошка — это мое прозвище.

— О, извиняйт, извиняйт, пожальюста, Антоша! — виновато положил ему руку на плечо австриец. — Я не хотел тьебя обидеть.

«Да ладно тебе, — опять усмехнулся Петро. — Я не обижаюсь. Меня все так зовут, зови и ты.

— А почему Гришя такой? — опять переспросил Любек.

— Брата у него недавно убили, вот почему, — коротко пояснил Антонов.

— О, тогда я понимают, почему он со мной так, — сочувственно проговорил пленный и тут же горячо-горячо зачистил, — но я не виноват, Антоша, я не виноват. Я... я... — он оглянулся по сторонам и почти шепотом добавил, — я не стреляйт в люди, понимают?

— Чево-о-о? — не понял Антонов.

— Я не стреляйт в люди, Антоша, понимают? Я стреляйт воздух!

Пленный осекся, будто испугавшись собственного признания, и со страхом огляделся по сторонам. Антонов с изумлением повернулся к нему, и Любек продолжил:

— Я хотел... как это сказать по-рюски, разговаривайт Грише всье, когда он спросиль, но я испугался. Ведь я всье-таки стреляйт.

— И ты что же, все время стрелял в воздух? — выдохнул изумленный Антошка свой вопрос.

— Все время! — подтердил пленный.

— Так зачем же ты пошел воевать?!

— Меня призывайт, мене нельзя было дом... дезертир, понимайт?

Дома тогда всех расстреляйт, понимайт, Антошя? — пленный горячо выплескивал свою горькую исповедь, на глазах его навернулись слезы, которые он быстро утирал рукавом.

— Н-да-а-а! — многозначительно протянул Антонов. — Ситуация!

Он помолчал какое-то время и вдруг неожиданно предложил:

— А ты переходи к нам. Расскажи все, как мне, и будешь антифашистом.

— Не-е-е, — сокрушенно покачал головой австриец, — я не могу. Нельзя мне...

— Но почему?!

— Опьят стреляйт..., — со вздохом проговорил пленный. — А там тоже люди.

— Да какие они люди?! — горячо воскликнул Антошка. — Они же фашисты!

— Не-е-е, Антошя. Это есть неправда, — возразил Любек. — Они такие же, как и вы.

— Ну, ты хватил! — не согласился Антонов. — А кто ж тогда деревни наши жгет? Стариков с детишками кто убивает? Мы что ли?

— Это СС, Антошя. Но их мало, — тихо, но твердо ответил пленный. — Больше просто зольдат. А они не жгут — поверь мне. И я не могу...

Пленный умолк и низко опустил голову.

— Только ты не смеяца, Антошя, что я такой, — вдруг жалобно попросил он. — Стреляйт можно враг, а разве ты враг? Гришя враг? Лейтенант враг? Ви не зделайт мне плехо. Ви не рюшит мой дом, не мешайт мой работа — почему мне стреляйт? — быстро и взволнованно говорил Любек. — Я не могу.

Антонов сидел рядом с ним сильно озадаченный и ничего не мог возразить или добавить, настолько простыми и понятными были рассуждения этого австрийца, настолько он был прав. Это Антонов и его однополчане кипели справедливой ненавистью к захватчикам за поруганную и растоптанную Родину, а за что таким, как Любек, ненавидеть их, русских? И за что им всем ненавидеть Любека?

— Это не смешно, Петро, — вдруг совершенно неожиданно для себя назвал он австрийца на русский манер. — Это правильно!

И не в силах больше продолжать этот тяжелейший по душевному напряжению диалог выскочил из землянки. К вечеру об этом разговоре знал весь разведзвод. И никто не смеялся!

Так прошла неделя.

В начале следующей командующий армией генерал Ефремов передал своим окруженным войскам приказ: готовиться к прорыву! Майор Зернов вызвал Шуляка и поставил задачу: вместе с ротой автоматчиков быть в авангарде.

— А пленного куда же? — спросил Карга.

— Куда, куда... — раздраженно начал Зернов, заметавшись по блиндажу от стенки к стенке. Остановился вдруг и прямо в лицо лейтенанту бросил, будто выстрелил: — В расход — вот куда!

Шуляк попятился, как от удара, не находя, что ответить.

— Знаю, что ты хочешь сказать, — резко добавил майор. — Знаю, что он в землянке с вами жил, но пойми ты: нет другого выхода! На прорыв идем — куда он нам? И в дивизии не нужен, и в обозе... Один выход — в расход!

И рубанул рукою воздух.

Заметив, что Шуляк и после этого еще стоит, не двигаясь, добавил яростно:

— Выполнять!

Почти весь взвод разведчиков находился в землянке. Шуляк резко шагнул внутрь, и по одному этому шагу да еще по виду командира все поняли: что-то произошло.

— Антонов! — сухо скомандовал лейтенант. — Пленного на улицу! Остальным сбор на постановку задачи... Завтра прорыв, — начал Карга, когда Антошка с пленным вышли из землянки. — Мы с автоматчиками идем в авангарде. Вопросы?

— А с «языком» что? — поинтересовался дотошный малоразговорчивый Степа Харин.

Шуляк помолчал какое-то время и тихо-обреченно проговорил:

— В расход! — Заметил недоуменные взгляды, услышал несогласный ропот и добавил: — Приказ командира полка!

Тягостная тишина повисла в землянке. Никто не шевелился, никто ничего не говорил, даже, казалось, никто не дышал. Все вдруг поняли — сжились! Сжились по-настоящему и крепко, как сживаются вместе совершенно незнакомые прежде люди, но объединенные одной бедой, одолевающие одно горе. Все понимали: приказ надо выполнять, но все, как один, не могли согласиться в душе с таким приказом, а главное, не знали, как же тут быть?!

— Кто пойдет? — нарушил общее молчание лейтенант. — Приказывать не могу, только добровольцы...

И снова тягостная тишина, снова неподвижные фигуры разведчиков.

— Харин?.. — вопросительно назвал фамилию Шуляк.

Неразговорчивый Степан отрицательно покачал головой.

— Дудник!.. Егоров!.. Калайчев!.. — по очереди называл фамилии своих подчиненных командир, но в ответ только протестующее молчание.

— Может, ты, Гриша? — обратился Шуляк к Колесову. — И за брата душу облегчишь...

— Что я мясник, что ли?! — возмутился Колесов. — Не барана ведь в расход-то!

— Надо Антошку спросить, — предложил Степа Харин.

— А-а.., — безнадежно махнул рукой Карга. — Как будто ты Антошку не знаешь. Я и с пленным-то его выпроводил, потому что он из нас всех больше с ним сошелся...

Опять загустела в землянке напряженная тишина.

— Но что же делать-то, мужики? — раздался чей-то голос, и в этот момент снаружи слышались шаги, и внутрь ввалился командир автоматчиков в своем неизменном белом полушубке.

— Привет, разведка! — громко поздоровался он. — Чего плануем?

— Да вот думаем, как завтра прорываться, — начал Шуляк.

— О, и я за тем же подкатил! — весело перебил Шуляка автоматчик. — Как-никак, бок о бок пойдем.

— Тут у нас еще одна загвоздка есть, — встрепенулся вдруг Карга.

— Что такое, друг? — Жизнерадостности автоматчика можно было бы позавидовать.

— Да... «языка» приказали в расход пустить, а желающих нет.

— Хо, нашел о чем грустить, разведка! — хлопнул Шуляка по плечу автоматчик. — Это мы мигом!

Он подошел к выходу и крикнул:

— Ярвинен!

— Я! — раздалось на улице.

— Ко мне!

На входе загремели шаги, и в землянке появился огромный рыжеволосый детина, никак не меньше Шуляка ростом, в таком же белом, как и у своего командира, полушубке. Лицо его аж пламенело яркими рыжими веснушками, тяжелый квадратный подбородок массивной глыбой нависал над белым овечьим воротником, а высокий лоб с рыжими кудрями на нем невозможно было скрыть никакой шапкой! Детина козырнул, оторвав руку от автомата, и вопросительно уставился на своего командира.

— Вот, Саша, надо задавить одного фрицевского клопа, — начал ротный, — а наши братья-славяне в замешательстве. Подсобим?

— Без натуги! — браво отозвался детина. — Где клоп-то?

— На улице он... — помедлив, ответил Шуляк и поморщился.

— Так пошли! — сорвался с места рыжий и первым выскочил из землянки.

Разведчики дружно высыпали следом, и все сразу увидели Антошку с пленным.

— Этот, что ли? — кивнул веснушчатый в сторону австрийца.

Шуляк молча кивнул и отвернулся.

— Пошли, фриц! — потянул детина пленного за рукав и криво ухмыльнулся.

— Куда ты его? — вступился Антошка.

— Куда-куда... — передразнил детина. — В штаб — вот куда! Давай, фриц, шевелись, а то отемнеет.

Любек испуганно поглядел на Антонова, на отвернувшегося лейтенанта, на понуривших головы разведчиков... — и вдруг все понял! Лицо его побледнело, как снег, голова поникла, но ни единого звука не сорвалось с плотно сомкнутых губ. Он обвел прощальным взглядом всех разведчиков, с которыми делил и стол, и кров всю минувшую неделю, и первым шагнул на узкую тропинку в снегу, протоптанную в направлении деревни. Прошло несколько минут, и со стороны деревни треснула короткая автоматная очередь. Потом на тропинке появился рыжий детина и коротко бросил:

— Готово! А вы мучались!

— Где ты его? — еле выговорил потрясенный Антошка.

— А там, за овином каким-то, — беззаботно махнул рукой рыжий. — Да вам-то зачем?..

— Пошли, ребята, — вынося из землянки лопату, проговорил Колесов. — Похоронить надо. Если всеми — до темноты успеем.

И никого не дожидаясь, пошел по тропинке. Минуту спустя, вооружившись инструментом, за ним проследовал весь разведвзвод во главе со своим командиром...

Утро следующего дня выдалось пасмурным и неприветливым. Пробрасывало снежок, погуливал ветерок. Над притихшими позициями изготовившегося к броску полка нависла напряженная тишина — все ждали общего сигнала. Но вместо него сонное оцепенение раннего зимнего утра разорвал хлесткий выстрел немецкой снайперской винтовки, и чья-то одинокая фигура в белом, разметав во всю ширь огромные руки, замертво повалилась в рыхлый снег в расположении полка. Шуляк вскинул к глазам бинокль и долго пристально всматривался в снежную пелену.

— Прямо в голову! — задумчиво вымолвил он, опуская прибор на грудь.

— Кому это там так не повезло? — нетерпеливо поинтересовался у командира Гриша Колесов.

Лейтенант поглядел еще несколько мгновений в зимнюю даль и коротко бросил: «Рыжему!»

